

ВЛАДЛЕН КОТОВСКОВ

ИНЫМ ОН БЫТЬ НЕ МОГ

В морозный февральский день 1984 года, в день похорон в станице Вёшенской М. А. Шолохова, классик отечественной литературы Л. М. Леонов со страниц газеты “Известия” сказал: “Вместе с миллионами читателей глубоко скорблю о безвременном уходе из жизни Михаила Александровича Шолохова – выдающегося, с мировым именем, русского советского художника, патриота, гражданина, общественного деятеля, подарившего стране самую замечательную книгу нашей эпохи. Не сомневаюсь, что книга эта оставит глубокий след в памяти поколений читателей”. Л. М. Леонов не счёл нужным назвать эту книгу – так хорошо известна она каждому из нас: “Тихий Дон”.

Михаил Шолохов написал не одно замечательное произведение. Но он создал одну такую книгу, которая стала событием целой эпохи и навсегда, на века вошла в память благодарного человечества.

Меня, как почти всех здравомыслящих земляков Шолохова, возмущают появляющиеся время от времени беспардонные домыслы о “Тихом Доне” и злобная клевета на автора романа. Началось это в 1929 году и продолжается, к сожалению, до сих пор. Видимо, это началось это ещё потому, что одним из первых 24-летнему писателю дал очень высокую оценку И. Сталин: “Тов. Шолохов – знаменитый писатель нашего времени”.

Ослеплённые ненавистью к Сталину, а позже – ко всему советскому, эти “чудаки”, как о них отзывался Шолохов, или чернят всё, что было в советскую эпоху хорошего, или спекулируют на известной хрущёвской критике культа личности Сталина и негативных последствиях этого культа в жизни страны.

Скажу сразу: Шолохов всегда выступал против этих негативных явлений, особенно массовых арестов честных людей в 30-е годы, о чём говорят письма писателя к Сталину в годы сплошной коллективизации, а также вычеркнутые в конце 50-х годов, уже при Брежнев, куски из неоконченного романа “Они сражались за Родину”. Шолохов, конечно, помнил сказанные ему Хрущёвым слова: “Ещё не пришло время писать об этой войне, да и о 1937 годе тоже”. Но он писал, не мог не писать. Только перед смертью сжёг, видимо, неопубликованные главы романа о Великой Отечественной войне.

Смею думать, что я лучше некоторых шолоховедов знал автора “Тихого Дона”, так как родился и живу на Дону, в школу пошёл в станице Вёшенской, окончил поблизости, в небольшом городке Миллерово, потом учился в Московском университете им. Ломоносова. С весны 1941-го по весну 1975-го, когда серьёзно заболел писатель, почти ежегодно встречался с Михаилом Александровичем, а с мая 1949 года пишу и печатаю статьи о жизни и творчестве великого писателя-земляка в газетах и журналах России и других стран. С 1988-го по 2008 год издал в Ростове-на-Дону семь своих книг о нём и близких ему по духу писателях. Кроме того, с благословения самого Шолохова

и его наследников принимал участие в редактировании и написании предисловий и послесловий к изданиям “Судьбы человека” (Москва, 1981) и “Тихого Дона” (Ростов-на-Дону, 1998).

Поговорим о новом, несколько необычном издании “Тихого Дона” в Харькове, подготовленном в течение нескольких лет в Москве директором издательства “Московский писатель” А. Ф. Стручковым вместе с дочерью писателя С. М. Шолоховой по черновой рукописи, которую Светлана Михайловна одна смогла прочитать, зная лучше других наследников почерк отца.

Поводом для написания этой журнальной статьи явилось для меня знакомство с большой статьёй Виктора Кожемяко “Куда поворачивают “Тихий Дон”, опубликованной в 20-х числах мая 2011 года в газете “Правда” с чётким политическим подзаголовком: “Величайшего писателя советской эпохи хотят сделать антисоветчиком”.

Сам факт появления этого необычного издания “Тихого Дона” представляет несомненный филологический и особенно историко-литературный интерес. Но надо помнить, что этот черновик – начальный, даже не первый канонический “авторский вариант”, подписанный впервые 28 марта 1941 года М. А. Шолоховым совместно с редактором Ю. Б. Лукиным после журнальных и книжных публикаций.

Казалось тогда, что теперь редакторского вмешательства больше не будет. Но, к сожалению, всё резко изменилось в 1949 году, когда в 12-м томе сочинений И. Сталина появилось его письмо, в котором говорится, что “знаменитый писатель”... “допустил в своём “Тихом Доне” ряд грубейших ошибок”. Тогда началось новое редакторское нашествие на текст романа. Автор, как мог, сопротивлялся, в 1956–1960 годах и в начале 80-х он кое-что поправил или восстановил при подготовке Собраний своих сочинений.

Сегодня стоит отметить работу редактора-составителя В. Васильева при подготовке текста и примечаний почти ко всем томам “Тихого Дона” в последнем 9-томном Собрании сочинении (2001–2002). Он, например, вслед за Ю. Лукиным убрал из романа все текстологические вольности и неточности печально памятного издания 1953 года под редакцией К. Потапова, а также использовал в работе то, что сам увидел в найденной рукописи первых двух книг романа и в новых изданиях “Тихого Дона” 90-х годов. Кроме того, поубавил то, что сам писатель называл “злоупотреблением “местными речениями”, но при этом внимательно отнёсся к песенному стилю и высокому вкусу автора романа из жизни донских казаков.

Редактор А. Стручков, знакомясь с первым, ещё черновым текстом романа, поспешил всю работу редакторов “Тихого Дона” советского периода назвать “варварством”, заметьте, не цензоров, а только редакторов. При этом привёл в качестве примеров два эпизода из романа, оба из фронтовой жизни.

Первый – это разговор простого казака Чикамасова и казака-большевика Бунчука о Ленине. Он происходит в переполненном людьми товарном вагоне поезда, идущего с фронта, накануне восстания в Петрограде в 1917 году. Накурено, духота, вши водятся... Об этом и реплики казаков. А разговор-то между Бунчуком и Чикамасовым удивительно трогательный, с любовью к Ленину. Простой казак уверен, что вождь – из казаков, как Разин, Пугач, Ермак. Эти рассуждения, замечает Стручков, автор романа вставил между репликами о вшах: “Если бы это тогда разнюхали цензоры, Шолохову пришлось бы плохо... Шолохов – казак, и получается, что он ненавидел большевиков, ненавидел Ленина, поэтому и упомянул его в таком контексте”.

Мне стыдно это читать. Во-первых, А. Стручкову пора знать, что Шолохов не был казаком, ибо ими не были его родители, а во-вторых, надо посоветовать редактору Стручкову научиться анализу крупного литературного произведения, особенно реалистического.

Второй пример связан с эпизодом, когда белоказачий офицер Чернецов кричит своим кадетам перед боем с красногвардейцами: “Нагнём!”. “После большевистской редактуры, – комментирует А. Стручков, – вышло безобидное “Начнём”. Большевиков нельзя нагнуть?!”. И этой опечаткой или рукописной ошибкой А. Стручков пытается доказать, будто автор романа ненавидел большевиков. На самом деле это А. Стручков сам или в угоду олигархам заговорил о ненависти к большевикам.

Ещё один пример “варварства” советских редакторов Стручков нашёл и исправил в первом абзаце 1-го тома романа. В рукописи он прочитал:

“...сырая изломистая кайма нацелованной волнами гальки...”. А. Стручков спешит прокомментировать: “В советском варианте кайма была почему-то “серой”.

В самом деле, почему? Скорее всего, это опечатка. Так думал и думаю я, первый, пожалуй, заметивший ещё в 1998 году в ксерокопии шолоховской рукописи “сырую” гальку и исправивший в ростовском издании “Тихого Дона” никем так долго не замечаемую ошибку. Это заметил В. Васильев, позвонил мне и тоже исправил опечатку в первом томе Собрания сочинений Шолохова (2001–2002), то есть задолго до А. Струčkова.

Конечно, издание “Тихого Дона” по чистовому варианту найденной и купленной рукописи двух первых книг романа — дело неплохое, даже полезное, нужное для учёных, литературоведов и языковедов, для всех шолоховедов, и не только в России. Но при этом надо помнить, что автор “Тихого Дона” всегда с большим вниманием и уважением, даже доверием относился к кропотливому труду и эстетическому вкусу редакторов его произведений, особенно к самому первому редактору “Тихого Дона” Е. Г. Левицкой и самому долголетнему своему редактору Ю. Б. Лукину, журналисту-правдисту, кстати, моему другу, от которого у меня сохранилось много писем и открыток, у которого я не раз бывал дома в последние годы его жизни, но чаще мы встречались в Вёшенской. Он начал редактировать Шолохова с “Поднятой целины” в 1932 году, а потом последовали “Тихий Дон” и другие произведения. Насколько Шолохов ценил редакторский вкус и труд этого человека, можно понять даже из такого бытового факта: нобелевский лауреат взял Лукина в Швецию на торжества по поводу вручения премии, а потом пригласил его в поездку на лауреатские доллары в Японию, куда писатель отправился со всей семьёй...

Сегодня в разговоре о харьковском издании “Тихого Дона” всё чаще речь заходит о предисловии к книге за подписью Андрея Черномырдина и его речи на презентации в Москве этого издания шолоховского романа, в которых он дал понять россиянам, как нынешние хозяева страны относятся к великому роману русской и мировой литературы и к его автору.

Но знают ли в достаточной мере новые русские толстосумы биографию и творчество М. А. Шолохова?

Михаил был сыном своего отца, воспитанного на хороших книгах русской народнической литературы, то есть правдоискателем по своей натуре. Поэтому нет ничего удивительного, что молодой писатель, автор “Донских рассказов”, стал сторонником благородной идеи социальной справедливости, принял Октябрьскую революцию, ленинские идеи и лозунги советской власти, но начавшаяся гражданская война, особенно жестокая на казачьем Дону, стала трагической вехой в его судьбе. И в основном из-за политики Троцкого, оказавшегося в ту пору на юге России, спровоцировавшего, а потом и подавившего Вёшенское восстание.

События гражданской войны и народного восстания юный Шолохов видел своими глазами в станице Вёшенской и в близлежащих хуторах, поэтому он вскоре поставил точку в цикле донских рассказов и задумал написать большой роман о восстании на Верхнем Дону, чтобы объяснить всей России, а также советской власти в центре и на местах то главное, почему поднялись донские казаки...

Сегодня я вслед за старой большевичкой Е. Г. Левицкой, добрым другом молодого писателя, которой он посвятил позже “Судьбу человека”, готов повторить её слова: в образе Григория Мелехова, в его метаниях и исканиях после революции очень много от исканий самого Михаила Шолохова.

Вот почему так легко опровергнуть доводы тех “антишолоховедов”, которые упрямо твердят, будто “Тихий Дон” мог написать только “белый”, а не “красный”. Но если бы Шолохов был “белым”, то роман был бы совсем другим: обличающим Октябрьскую революцию и Ленина, симпатии автора были бы отданы только белогвардейцам, а ненависть — красноармейцам, большевикам-ленинцам. “Тихий Дон” не был бы шолоховским романом, а чем-то вроде “Ледового похода”, “Белой гвардии”, “От Двуглавого Орла к красному знамени”, “Красного колеса”.

Незадолго до смерти М. А. Шолохов в беседах с сыном Михаилом Михайловичем, кандидатом философских наук, говорил о вечных ценностях человеческой жизни, о судьбе любимой Родины — советской страны. Сын записал

эти беседы, а после смерти отца издал их книгой “Разговоры с отцом”. Вот несколько строк из этой книги.

М. А. Шолохов о вере: “Веру у людей никто и никогда отнять не сможет. Человек без веры — не человек. Отними у него веру в Бога, он станет верить в царя, в законы, в вождя... Высокой только должна эта вера быть. Возвышенной. Плохо, страшно, когда предмет веры мельчится. Мелкая вера — мелкий человек. А высшие духовные ценности можно и в культ возвести. По мне, так и нужно. Должно”.

Разговор Хрущёва на съезде партии о культе личности Сталина Шолохов считал, по меньшей мере, наивным. Однажды обронил фразу, ставшую вскоре широко известной: “Да, был культ, но была и личность”. В другой раз сказал сыну: “А что ещё у нас могло после революции получиться? Вот, скажем: “Вся власть Советам”. А кого в Советы? Кто конкретно и над кем должен властвовать? Думаешь, кто-то знал ответ? “Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов” — вот и всё. Но это, милый мой, на плакатах хорошо. На стенку вешать да на митинги таскать. А ты с этим в хутор приди, к живым людям. Рабочие там, понятно, не водились. Крестьяне? Крестьяне — пожалуйста, сколько хочешь, все крестьяне. Кто же будет от них депутатом? Если их самих спросить? Да уж, конечно, не дед Цукарь. И не Макар с Размётновым, которые и семью-то собственной сложить не могут, в собственных куренях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: “Какие же вы для нас советчики?” А яков лукичей и титков — нельзя. Советы и создавались, чтобы их как класс... Вот и оказались самыми подходящими “солдатские”. Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тот и властвовать... И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове, а что же делать? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны уменье одно: получать приказы и отдавать”.

Самое примечательное на сегодняшний день в беседах Шолохова с сыном — это, конечно, его размышления о судьбе любимой родины, России, тогда советской, а теперь вроде капиталистической и даже демократической, но...

Однажды отец вдруг спросил у Михаила: “Когда там, по вашим учебникам, гражданская война закончилась?”

“В 20-м”, — ответил сын.

Отец усмехнулся: “В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Скорее всего, если я что-нибудь смыслю, ещё и не кончившись по-настоящему, загорится вновь. И не за горами то время. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие — то по команде, что ни команда — то для людей, мягко сказать, обиды...”

Старшая дочь Шолохова Светлана Михайловна в 1995 году так прокомментировала слова отца: “Наш народ, построив новое, ещё не совершенное общество, принёс ради него такие неисчислимые жертвы, а затем, защищая это общество, ещё умножил их. Отец считал так: пусть это общество несовершенно, но если не разрушать то, что уже построено с таким трудом, а совершенствовать его, направлять силы и способности нашего талантливого народа на созидание новых материальных и духовных ценностей, умножать то богатство, которое нам досталось по наследству от отцов и дедов, и то, что ещё уцелело от страшных катастроф, можно многое изменить к лучшему, и тогда могут сохраниться государство и народ. Иначе произойдёт такое расхождение поколений, которое неизбежно приведёт к отрицанию всего и всех, к оплёвыванию собственной истории и святынь прошлого, а без прошлого народ не имеет будущего. Он просто превратится в “Иванов, не помнящих родства”, в индифферентную массу, а ещё страшнее — в безликую, неуправляемую, несдерживаемую никакими моральными и нравственными нормами стихию... Можно по-разному воспринимать такую позицию, но иным он быть не мог. Тогда это был бы уже другой человек, другой писатель. Он не мог предать свою юность, отступить от своих убеждений, от всего пережитого со своим народом...”

... Заканчивая эти свои беглые публицистические заметки, направленные против тех, кто пытается сегодня, используя любой, даже благой случай, сделать великого советского писателя антисоветчиком, а его роман “Тихий Дон” с лёгкой руки завистника А. Солженицына превратить в некий “полигон” для “упражнений” над автором, я хочу повторить слова моего покойного друга, выдающего советского писателя-земляка Анатолия Калинина: “Украсть “Тихий Дон” у Шолохова — всё равно, что украсть Победу у Жукова”.